

Предыстория написания главы «Через науку к творчеству».

30 лет вместе. Уход Эккахарда подобен незаживающей ране. Но как будто этого было мало.

Я в состоянии шока, а от пасынков никакого уважения к памяти об отце и новые проблемы через них. Когда не было больше сил и я не видела никакого выхода, я приняла предложение бывших коллег, написать главу для книги воспоминаний. Появился текст, в котором моя жизнь в науке была связана с последующим, совместным с Эккахартом творчеством.

Пока я писала текст, я несколько недель была погружена в воспоминания. Ничего вокруг не существовало. Я извлекала прошлое, чтобы жить настоящим. Своего рода арт-терапия, позволившая подняться над реальностью. Воспринимать чуждые мне взгляды и поступки как то, что я не могу изменить. Не отзывалось больше болью одномерное восприятия пасынками образа отца. Важно, что мне было дано увидеть его во всем многообразии. В полной мере понять его значимость как художника и как человека.

Говорят, что слово записанное упорядочивает мир. Появилась картина молитвы-мантры, моего оберега: «Я обращаюсь к тебе, Создатель Вселенной. Я часть твоего творения. Я могу добиться всего, что мной задумано». Ничто не сможет помешать мне продолжить предначертанный мне путь.

Глава из книги воспоминаний моих бывших коллег по науке.
Посвящается Владимиру Николаевичу Смирнову и Эккахарту
Бушону, самым важным для моего пути людям.

Мой путь через науку к творчеству.

Нина Гелинг-Бушон (фото 1-2).

Фото 1-2. За два года до встречи со Смирновым, Москва, 1971 и
Hann.Münden, Германия, ноябрь 2021

Смирнов для меня был Учителем.

Направляющий на путь истинный, хотя и с авторитарным влиянием. Со мной нельзя было по-другому. В своем мире, далеком от реальности, не вписывалась я в

Фото 3. «Гармония», акрил на полотне, 1994

общепринятые стандарты. Все детство я мечтала стать художником-дизайнером на фабрике игрушек, еще ребенком создавая бесчисленные зарисовки и модели. Обожала танцевать, петь во всю силу голоса, придумывать и разыгрывать мизансцены, но только если никто не видел и не слышал, считая свой большой рост и низкий голос ошибкой природы

Судьба вела меня окольными путями.

Только ей одной было ведомо, через что понадобится пройти для осуществления детской мечты. От художественного

образования я отказалась благодаря стараниям

преподавателя по искусству, не принимавшего полета моих фантазий, пытавшегося

ограничить их традиционными канонами. В результате я сохранила способность

экспериментировать в искусстве, выражая свой внутренний мир в абстрактных образах на полотне (фото 3). Эффективная арт-терапия, как потом выяснилось.

А в то время в голове был сумбур из моды, бионики, медицинской генетики и

дельфинов. Выбрала то, что могло привести к контактам с дельфинами – биологический факультет альма-матер МГУ. Вставала в 4 утра, изучая вдоль и поперек толстую книгу по биологии. После второго экзамена, попадаю в список «провалившихся». Иду выяснять, уверенная, что недоразумение. За закрытой дверью мне объяснили: «Не туда ты, девочка, пошла...».

Следующий на очереди - 2-ой Медицинский институт имени Пирогова, медико-биологический факультет. Но прежде разбиралась с лягушками. Ведь с ними пришлось бы работать. Преодолевая отвращение, заставляла себя брать их в руки. Прошла собеседование, но, узнав, что всем надо ходить в анатомичку, документы забрала. Ладно лягушки ... но трупы?

По соседству - здание Московского Института тонкой химической технологии (МИТХТ) имени Ломоносова. Заинтересовала реклама кафедры Преображенского - химии и технологии биологически активных соединений. Принимающий экзамен по физике со скучающим видом отложил билет в сторону: «Только один вопрос. На какую глубину надо опустить воздушный шар в воду, чтобы его объем уменьшился в два раза?» Неожиданно для себя произношу: «Приблизительно на ...» Одновременно в голове проносится: «Я же понятия не имею! Что я говорю?! С ума сошла?!»

А преподаватель уже протягивает зачетку: «Почему приблизительно? Отлично.» В дальнейшем было ещё несколько похожих случаев, когда в состоянии сильного эмоционального возбуждения я интуитивно получала правильное решение. Один из них имел прямое отношение к Смирнову, когда в 1979 году на советско-американском симпозиуме не досчитались одного аппарата для синхронного перевода.

А в институте мы, студенты, слушали на лекциях о гормонах, витаминах, запахах, красках и об их синтезе. Почему-то запомнилось, что эффект от платья зеленого цвета возрастает при использовании духов с запахом розы. Кто бы знал, что в будущем я соприкоснусь с ароматерапией, что одна из наших выставок объединит искусство с музыкой и запахами, где под каждой моей картиной будут созданные Ольгой Гелинг комбинации эфирных масел, усиливающих ее восприятие.

1973 год. Первая встреча со Смирновым.

На кафедре Преображенского готовились специалисты для работы в близких к медицине смежных областях. Как исключение, свободное распределение для нас, что означало самим искать работу. Услышала, что в Институте кардиологии имени Мясникова якобы создается биохимическая лаборатория.

В бухгалтерии, к моему разочарованию, дали понять, что никакой новой лаборатории у них нет и не планируется. Рядом еще один посетитель. Выходя следом за мной на улицу, он протягивает мне листочек бумаги: «Здесь домашний телефон Смирнова Владимира Николаевича. Он будет заведующим этой лабораторией. Позвоните, может,

повезет.» Звоню. Деловой голос: «Встретимся в таком-то месте и во столько. Максимум на 10 минут». В условленное время подъезжает машина. Внутри шофер и человек, назвавшийся Смирновым. Разговор предельно короткий. Несколько вопросов-уточнений: «Замужем? Ребенок есть? В ближайшие три года никаких детей. Как со знанием английского?» Мои ответы укладываются в предъявляемые требования. Правда, с английским, как оказалось, я и в подметки не годилась остальным, закончившим школы с языковым уклоном.

Я зачислена в лабораторию метаболизма миокарда Института кардиологии им. Мясникова. Лаборатория пока только на бумаге. Сотрудники есть, но временно продолжают работать в ЦНИЛ Четвертого главного Управления при Минздраве СССР, которое возглавлял «кремлевский доктор» Евгений Иванович Чазов (Фото 4).

Смирнов В. Н. чувствует перспективность исследования простагландинов.

Удивительная интуиция, которая его не подводила.

До переезда лаборатории в Институт кардиологии, я должна была сидеть в Ленинской библиотеке и готовить материал о возможной связи простагландинов с метаболизмом миокарда. На первых порах, «плавая» в незнакомой мне терминологии, к тому же на английском, я обращалась за помощью в переводе к сидящим рядом седовласым мужчинам. Могу представить их смятение. Дело в том, что больше всего простагландинов обнаружено в сперме и публикации в основном касались механизмов зачатия, импотенции у мужчин и выкидышей у женщин. А тут невинно выглядящая молодая дама пристает с вопросами по такому предмету.

Через какое-то время я была настолько в теме, пока, к сожалению, не в своей, что могла бы и сама консультировать. Что касается сердца, то материала, что называется, «кот наплакал». Обратила внимание на публикации американца Филипа Нидльмана (Philip Needleman). Кто бы мог подумать, что в 1979 году мне удастся не только увидеть его, но и пообщаться с ним.

Переезд в Институт кардиологии Мясникова.

Сразу после переезда, следуя указаниям Смирнова, все в лаборатории отдраивалось и вычищалось до блеска. И все же, едва появившись, он лез именно в тот угол или отодвигал холодильник, где еще сохранились следы грязи. Все получали взбучку.

Первое выступление в лаборатории метаболизма миокарда.

По результатам моего времяпровождения в библиотеке предстояло отчитаться перед Смирновым и старшими научными сотрудниками, которые в ближайшем будущем должны были стать заведующими лабораторий Института экспериментальной кардиологии (ИЭК). Полные энтузиазма, блестяще образованные, уверенные в себе молодые ученые с перспективой научной карьеры. В отличие от них, мне не хватало, как опыта, так и знаний.

Меня перебивали, поправляя неправильно произнесенные медицинские термины, задавали уточняющие вопросы, возражали, приводя свои контраргументы. Из всех сил я старалась сконцентрироваться, чтобы не сбиться с темы. Отбивалась, как могла, под конец чувствуя себя психически опустошенной и ни на что не способной.

Пробелы школьного образования.

То, как проходило мое первое выступление и почему я ощущала себя загнанной в угол, я связывала с пробелами моего школьного образования. Отец – военный строитель, что означало переезды и смену школ. Когда ему предлагали Африку или Заполярье, то выбрано было последнее, а затем мы жили на Чукотке. До Америки рукой подать. После школы на лыжи и с сопок лететь так, что дух захватывает. Весь военный городок на берегу Чукотского моря, как единая семья. Трудно было потом привыкнуть к разобщенности людей в мегаполисах. Только с учебой беда. Преподавателей выбирали из того, что имелось в наличии. Учительнице русского языка легче было научить нас украинскому, а на занятиях английским каждый день распевали алфавит, не более того. Помню, как учитель по физике объяснял, что такое вибрация: «Вы же летали на самолетах, видели, как у них крылья дрожат.» Для наглядности он демонстрировал руками крылья самолета. Чтобы вернуться в школу на «материк», экстерном сдавала основные предметы, самостоятельно готовясь.

Аспирантура. К моему великому изумлению, на следующий день после моего незадачливого дебюта Смирнов предложил мне поступить в аспирантуру. Заметив, что, как женщине, в качестве исключения. Возможно, впечатлило мое хохляцкое от отца упрямство не сдаваться даже если тебя положили на обе лопатки. Мало того, он еще позвонил моей свекрови и похвалил меня. Никогда Смирнов не говорил мне этого напрямую. Боялся, что зазнаюсь? Жаль. Мне иногда очень не хватало поддержки.

Простагландины и адаптация сердца к перегрузке давлением.

Захватывающая и актуальная тема. Локальные древние гормоны, при помощи которых клетки общаются друг с другом. Не важно, касается это сердца или нашей психики, вырабатываются они практически всеми клетками, а при нарушениях происходят качественные и количественные изменения их синтеза. Вот где мне повезло с полученным в МИТХТ образованием, чтобы разобраться и использовать самые разные технологии для выделения и идентификации этих чрезвычайно лабильных биологически активных соединений. Постоянно в поисках, с ненормированным рабочим днем я была настолько увлечена, что ничего другого для себя не желала. «Гелинг Нине, посвятившей свою жизнь простагландинам», - написал Сева Ткачук в своей, подаренной мне книге. Невольно наводит на грустные мысли. Это был

титанический труд. Не оставалось времени не только для искусства, но и для себя лично. А была ли это моя жизнь или только прелюдия к ней?

Идентифицирую себя с Кардиоцентром, а не только с ИЭК, как отдельной его частью. Моя научная деятельность была на стыке биохимии и медицины, выходя за рамки ИЭК. Вторым моим, после Смирнова, научным руководителем стала Анастасия Николаевна Некрасова, заведующая отделением гипертонии. Контакты с врачами были постоянно. Для них включение в диссертацию простагландинов было своего рода «изюминкой», а из-за сложности используемых методик они проходили у меня обучение.

Эксперименты на крысах.

С детства боялась пауков, мышей и крыс. А тут еще на моих глазах крыса прокусила большой палец ноги одному из сотрудников, когда он попытался остановить ее, наступив на хвост. И это через зимнюю обувь!

К моему страху относились с пониманием, старались помогать, приносили мне крыс из вивария, вводили им наркоз. Кто-то доложил об этом Смирнову.

Он сразу отреагировал: «Домой не уйдешь, пока не сделаешь все сама!»

Инструктаж проводила Лидия Сергеевна Мальчикова: «Правой рукой берешь крысу за хвост. Ближе к концу, но не в самом конце, иначе сбросит его. И не в начале - обернется и укусит. Крыса автоматически пытается убежать. Продолжая удерживать ее за хвост, даешь ей возможность двигаться вперед. Далее большим и указательным пальцем левой руки прижимаешь ее шею к полу так, чтобы голова была между пальцами и она не могла ее повернуть и тебя укусить. Большой палец и мизинец подводишь ей под брюхо, переворачиваешь на спину и правой рукой делаешь укол снотворного в брюшную полость.» Сколько же я выбросила адреналина!

«Пробуем еще раз. Успокойся. В противном случае ты доведешь крысу до крайнего раздражения. Да, не бери же ее за кончик хвоста! Дальше, еще дальше! Разве это шея? Ты перепутала ее с попой! За шею прижимай!». Закончилось тем, что крыса, встав на задние лапы, развернулась и атаковала меня. Эксперимент пришлось прекратить. Уж не знаю, как, но я все же научилась и к изумлению работавших со мной врачей, спокойно удерживала огромных крыс левой рукой.

Взгляд со стороны. Зарисовки из жизни ИЭК.

На обед мы ходили своей компанией в Высшую партийную школу, где было дешево и хорошо кормили. Разговоры за столом о работе: «Сердце на этот раз отказало. Адреналина добавила. Не помогло. Пришлось свернуть эксперимент.» И тут кто-то из нас обратил внимание на сидящего напротив партийного работника, побелевшего как мел. Бедняга, видимо, думал, что речь идет о пациентах.

Диссертацию помогал печатать муж сестры, физик по образованию. Некоторые слова и

фразы звучали для него, как китайская грамота. С восхищением говорил: «Ты представляешь, какая реакция будет, если я кому-то скажу, ты – саркоплазматический ретикулум!»

Однажды попала в руки перепечатка «Жизнь после смерти» Моуди. Поинтересовалась у коллеги-кардиолога, что он думает об этом. Ответ удивил не меньше: «Было дело. Сердце остановилось у пациента. Ты представляешь, как выглядит открытый массаж сердца?! Не для слабонервных. Больного мы спасли, а он потом жалобу накатал. Разберитесь, мол. В кардиологии работают врачи-садисты. Описал все, как если бы сверху наблюдал за нами, а не валялся без признаков жизни.»

Экспериментальная модель острой перегрузки сердца давлением.

Операции на кроликах проводила Цветина Романовна Орлова при моем непосредственном участии. Осуществлялось это в лаборатории регуляции сердца и коронарного кровообращения. Простагландины я определяла в ткани сердца с использованием модифицированных методов экстракции и измерения, за которые я получила два авторских свидетельства. Выяснилось, что у животных со слабой адаптацией к нагрузке, более низкая концентрация простагландинов. Узнав об этом, Смирнов пришел в возбуждение: «Девочки, вы хоть понимаете, что вы получили?! Пациенты, бывает, умирают во время операции, а этим способом врачи смогут узнать, кому противопоказано хирургическое вмешательство.»

Подготовка и публикация статьи в „Circulation Research“.

Пару дней спустя Смирнов заявил, что он не пропустит ни одной моей статьи на русском, пока не выйдет публикация на английском. Я не поняла, почему нельзя на русском, но возразить не посмела. Но как я буду переводить? Переводил лично Смирнов. Подготовив материал, я приехала к нему домой. Он быстро пробежал глазами по страницам и, сунув мне в руки микрофон, стал сразу задавать уточняющие вопросы. Голос у меня и так низкий, а с перепугу опустился на октаву ниже. Ощущала себя, как кролик перед львом. Статья была отправлена в «Circulation Reseach».

Фото 4. Евгений Иванович Чазов, 1979

Там её проверяли вдоль и поперек три американских эксперта – один по физиологии и два по биохимии. Такие результаты и из России?! В дальнейшем я не получала больше таких сложных вопросов, как тогда от специалистов самого высокого профессионального уровня. Потом я отвечала на их вопросы, а Смирнов переводил. Чазов (фото 4), а он стоял первым среди

авторов этой публикации, представил полученные результаты на Всемирном конгрессе кардиологов в Токио и вернулся под большим впечатлением от реакции участников.

IV советско-американский симпозиум по метаболизму миокарда. Ташкент, 1979.

Автор фото (4-15) Виктор Резников из журнала «Советский Союз», идеологического

Фото 5. Сестра одолжила мне водолазку и сумку через плечо

оружия, работающего за рубежом. Их снабжали лучшей на то время фототехникой и снимали они на дефицитную тогда плёнку КОДАК.

Я не могла быть в списке участников, не тот уровень.

Накануне их отлета в Ташкент, как снег на голову, сообщение от Валдура Сакса о том, что участники симпозиума выбрали меня для организационной работы, к которой женщины более приспособлены.

Смирнов дополнил: «Если к Чазову будут вопросы по простагландинам, отвечать будешь ты».

Нельзя сказать, что я обрадовалась. На тот момент я полностью была погружена в написание диссертации.

Да и одежды не было подходящей, а в единственных босоножках отклеивалась подошва и я не успевала их починить. Сестра, работающая в то время стюардессой на международных рейсах, помочь не могла. Другой размер ноги. Она одолжила мне водолазку и сумку через плечо (фото 5)

Фото 6. Встреча в аэропорту Ташкента, 1979

После встречи в аэропорту (фото 6) нас доставили в гостиницу.

Сопровождавший наш автобус секретарь местной парторганизации проинформировал нас о планах и повернулся ко мне: «А находящейся среди нас

единственной женщине дадим возможность просмотреть свой гардероб и выбрать соответствующее для приема у председателя узбекского общества по культурным связям с зарубежными странами.»

В номере я села на кровать. Отчаянно хотелось исчезнуть: «Боже, за что?! Зачем я здесь? Какой гардероб? Не хочу я ни на какую встречу!» Увы. На ковре-самолете не улететь и в воздухе не растаять. Что-то надо решать. Извлекла из сумочки «гардероб» – юбку, кофточку «с крылышками», самодельные бусы и злополучные босоножки. Ну, не в ботинках же идти с этим «пляжным ансамблем». Когда вышла из гостиницы, автобус подкатил ко мне. Ждали только меня.

В роскошном дворце проходили через гигантские двери. У каждой по бокам дамы в вечерних платьях, обвешанные дорогими украшениями. Круглыми от изумления глазами они взирают на приехавших. Американки были весьма скромно одеты и в кроссовках на ногах. Старалась держаться ближе к ним, не промолвив за весь вечер ни слова по-русски.

Фото 7. На заседании, слева Аслан Кубатиев

Фото 8. Каценович, Смирнов и Morgan. Интервью для прессы

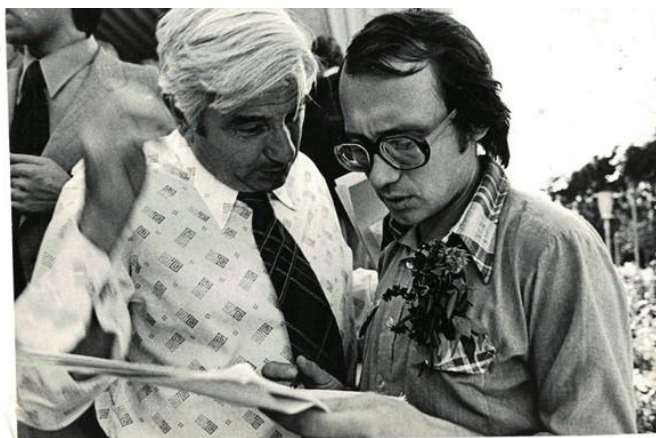

Фото 9. Феликс Меерсон и Митя Левицкий

На заседаниях (фото 7 и 8) я отвечала за редкие тогда и очень дорогие аппараты синхронного перевода. Однажды одного не досчиталась. Сообщила Смирнову. «Иди и принеси!», - эмоциональный выплеск был такой силы, что, развернувшись, передвигалась по залу, как во сне. Подошла к группе беседующих американских и российских

участников и, не отдавая себе отчета, молча запустила руку в нагрудный карман Мити Левицкого (фото 9). Вытащив аппарат, так же молча ушла, слыша за спиной хохот.

В списке американской делегации фамилия Needleman. Неужели тот самый Philipp Needleman, которого я цитировала в своей диссертации? Еще во время полета из Москвы в Ташкент передо мной в креслах самолета двое американцев. У одного из них

на столике были разложены листы с формулами. Это же простагландины! Значит, это именно он, пишущий об их роли в метаболизме миокарда. Эмоции захлестнули. Самолет приземлился в Ташкенте. Все встали в проходе. Не иначе, как почувствовав исходящую за его спиной энергию, Needleman, обернувшись ко мне, улыбнулся и я заговорила... точнее, только начала, но не находила больше подходящих слов. Он продолжал ободряюще улыбаться, а я, не могла дождаться, когда же мы двинемся к выходу. Время, казалось, остановилось, растягивая мгновение. Наверняка, стоящие

Фото 10. Слева от меня Филип Нидльман, за нами Володя Торчилин

Фото 11. Дима Сапрыгин слева от Нидльман

рядом, стали свидетелями этой сцены. Попытка подколоть Рамаз Курашвили: «Английский легкий, надо только слова расставить по местам и начинать с where is ...». Еще в самолете я дала себе слово выучить язык. Слово я сдержала и в последующем спокойно беседовала не только на научные темы. А с Needleman я все же немного пообщалась (фото 10 и 11). Больше при помощи жестов. Идущий сзади Володя Торчилин явно «угорал» от этого, а Дима Сапрыгин старался пристроиться поближе, чтобы насладиться моим «прононсом». **Программа продумана на удивление.** Помимо заседаний, куда нас только не возили, чем только не угощали, какие только вина мы не дегустировали. Об этом наверняка расскажут другие

участники. У меня отдельные эмоциональные зарисовки, картинки, всплывающие из глубин подсознания. Банкет в Министерстве Здравоохранения Узбекской ССР. Огромный зал. Столики. Звучит музыка. Через весь зал пробирается Ренат Жданов. Подходит к нашему столику и приглашает меня на танец. Танцевать вальс с отстающей подошвой? Да еще в присутствии Чазова и Смирнова? Ренат продолжает упрашивать. Я его понимаю. Каково ему под взглядами идти через зал обратно? Но не могу же я объяснить, почему отказываюсь.

Фото 12. На восточном базаре.

Фото 13. Галина Черноусова, Гуковский и американский коллега на базаре

Восточный базар (фото 12-13). Чего там только не было. Все, выросшее под щедрым солнцем, впитавшее его животворящую силу. Помидоры, которых никогда прежде не видела, дыни, прямо сахарные. И даже лук сладкий, как яблоки. Мне потом его посылкой прислали в качестве подарка. На базаре подходит ко мне экзотического вида старец со свитой. Седая борода, расшитый орнаментом восточный халат.

Указывая на меня пальцем, спрашивает: «Откуда?». "Из Москвы", - отвечаю, но он почему-то грозит мне пальцем: «Не хорошо лгать!».

За ужином интересуюсь у обслуживающего официанта: «Что это означает?».

Ответ запутал еще больше: «Есть у нас малочисленный древний род. Ты на них похожа...». «Со светлыми глазами и таким ростом?». Утвердительно кивает головой.

1979 год. Диссертация готова.

Отнесла ее Смирнову на проверку. Как всегда, пробегая по диагонали, он цепляет взглядом спорные моменты, требуя их изменения. Вложив столько усилий в мое творение, я не отступала, доказывая, что права. Причем с такой настойчивостью и убежденностью, что текст был принят без исправлений. В лаборатории ко мне пару раз подходили: «Что ты там в диссертации написала? Смирнов отсылает посмотреть, как следует ее оформлять.» Все дело в моем характере, точнее в моем упрямстве. Могу долго и скрупулезно подбирать материал, старательно прорабатывая его для достижения логического построения, а закончив работу, переделывать ее я не в состоянии. Так было в науке, а потом в искусстве. Позже в Гамбурге на занятиях в Академии JAK моды и дизайна преподаватель, ощущая в моей композиции некую дисгармонию, пытался ее исправить, но любое его вмешательство только усиливало дисбаланс. В конце концов, он оставил, как есть. Прекрасный преподаватель, но в данном случае легче было с чистого листа создать новое, чем что-то изменить.

Апробация диссертационной работы. Аслан Кубатиев (фото 7) вызвался быть оппонентом. В назначенное время все собрались в большом зале. Все, кроме

оппонента. На вопрос, в чем дело, объясняю, что накануне созванивалась с ним, должен быть. Проходит 10 минут, потом 15. Смирнов вне себя, готов взорваться. В дверь заглядывает Кубатиев и удивляется, почему мы собрались: «Апробация? Мне никто не говорил. Мимо проходил по своим делам. Диссертация? С собой. Случайно. Хотел полистать по дороге. Нет, не готовился, но в целом просмотрел. В курсе.»

Испепеляющий взгляд Смирнова. Оправдываться бессмысленно. Началось...

Мой оппонент сконцентрировался на близкой ему физиологической части: «Опыты с хронической перегрузкой не корректны, методическая постановка не оригинальна, неправильно произведен расчет индекса сократимости миокарда, ошибочно разделение на адаптивных и слабо адаптивных, парадоксальны с точки зрения физиологии заключения о компенсаторных механизмах миокарда, диссертация написана достаточно поверхностно, непрофессионально, изобилует методическими огрехами.»

Зал замер, а я в замешательстве. Вопросы не ко мне. За физиологическую часть отвечала Орлова. Это ее модель коронарного стеноза, она его выполняла, но в ответ - молчание. Только Смирнов, оживившись и удобно расположившись в кресле, просит более конкретного разъяснения по каждому пункту.

Кубатиев достает мою диссертацию и, раскрывая отмеченные закладками страницы, зачитывает: « На странице такой-то написано, что ...». У меня на руках ничего нет.

Моя диссертация у него, но происходит невероятное. Я отвечаю, что на указанной им странице изложено по-другому. Начинаю цитировать дословно, как если бы текст перед глазами. Не знаю, сколько все продолжалось, но долго. В ответ на его критическую оценку я приводила свои доводы, указывая, что оппонент искажает написанное мной. Смирнов в восторге. Мне не до смеха, а в голосе Кубатиева появляется сильный акцент и нервозность. В заключение Смирнов просит оппонента в письменном виде передать мне все возражения, а мне на них ответить.

Потом меня отпаивают в лаборатории чаем. Появляется Кубатиев и протягивает плитку шоколада: «Это тебе за причиненные волнения.»

Почему он так поступил? Ничего личного в отношении меня или моей диссертации. Говорили, что он рассчитывал на место заведующего лабораторией со мной в придачу. Я была беспризорной, не принадлежавшей к какой-то группе или лаборатории. А тут удобный случай, когда можно показать себя с лучшей стороны, как специалиста, способного разложить представленный материал «по косточкам» а, если понадобится, то снова его собрать. Я не знала, что Кубатиев был тогда старшим научным сотрудником спецгруппы Минздрава СССР, что он ставил свою подпись при утверждении проекта проведения советско-американского симпозиума наравне с заместителем министра Здравоохранения Узбекской СССР и директором НИИ

Кардиологии. Впрочем, если бы и знала, вряд ли бы это что-то изменило. На Кубатиева я обиделась. Получив от него рецензию, тщательно ее проработала и подготовила ответ, камня на камне не оставив от его критики. Довольная, принесла Смирнову, а он даже не взглянул. Сказал, как отрезал: «Второй апробации не будет. Сразу защита». Удар для меня. Мне необходима реабилитация! Ходили противоречивые слухи о моей сорвавшейся апробации. Только Смирнов, как всегда, видел гораздо дальше.

6 июня 1980. Защита. Подруга связала мне платье. Как из парижского салона мод. Зал заполнен. Пришли со всего института. Растерянность в первые мгновения. Беру себя в руки, отстраняясь от происходящего: «Разве может быть что-то сложнее, чем вопросы американских специалистов, чем урок, полученный от Кубатиева?» Начинаю говорить. Нужные слова приходят сами по себе. Что-то отвечаю, на что-то возражаю. Легко и непринужденно. Заведующая биохимической лаборатории НИИ общей и судебной психиатрии Сербского, Маркова Маргарита Николаевна была рецензентом. Под впечатлением от моей защиты она в течении следующих пяти лет время от времени звонила мне, предлагая перейти к ней на должность старшего научного сотрудника. Ощутимая разница – получать 90 рублей старшим лаборантом или 300, будучи старшим научным. Тем более, что два года назад я развелась, а алименты не

Фото 14-17. Сергей Кудряшов, Лена Соломатина, Валя Санфиорова, Олег Писаренко, Вася Иванов,

получала. Впрочем, об этом не могло быть и речи. Я и моя работа, казалось, неотделимы друг от друга.

Успешную защиту отмечали в лаборатории. Автор фото (14-17) Виктор Резников

Из личного. Помощь Смирнова.

Мне звонят в лабораторию: «Надежде, моей сестре удалили почку. Сепсис. Срочно нужен препарат, а он только в аптеке Четвертого управления.» Открываю дверь в кабинет. Смирнов сразу понял: «Что случилось? Сейчас закончу совещание и поеду.» Он не только достал препарат и передал его родственникам, но и устроил сестру в Институт Вишневского, в специализированную палату. Главврач, внук Вишневского, удивлялся, как она сюда попала, но моя сестра не знала.

Потом она приезжала ко мне в Институт кардиологии и ждала, когда я освобожусь. Смирнов вышел в коридор вместе со мной. Увидев ее поодаль, спросил, кто это и

Фото 18. Моя сестра, Москва, 1979

снова с интересом посмотрел в ее сторону. Ничего удивительного, подумала я. У Надежды яркая внешность (фото 18). На нее с детства обращают внимание. Как я не вспомнила в тот момент о том, какую роль сыграл он в ее жизни? Всего лишь год назад. Тотальная амнезия и чудовищная неблагодарность с моей стороны!

Всесоюзный симпозиум «Простагландины и кровообращение», Ереван, 1980

(фото 19). Приглашение получили Чазов и Смирнов. И если Смирнов отправил меня, то вместо Чазова поехала Анастасия Некрасова, как соавтор публикации и мой второй научный руководитель. Надо было видеть лица встречавшего нас начальства республиканского уровня. Ждали не нас. Впрочем, деньги отпущены и программа утверждена, да еще с размахом.

Фото 19. Ереван, 1980

Удивило, что возили нас вопреки всем правилам дорожного движения, как вдоль движущегося потока машин, так и против него, что все милиционеры были светлоглазые и русоволосые, что в ресторане, кроме нас, ни одной женщины. На Севане все за огромным столом и ощущение абсурдного театра. «Смена декораций» по указке свыше. «Анекдоты!», -

раздается команда. Встает помощник министра и рассказывает анекдоты. Никто не

смеётся. «Поем!» - Я напряглась, но в углу уже запели женщины, которых раньше не заметила. «Танцуем!» - Все дружно встают и танцуют. «Закончили!» А я не хочу, мне понравились армянские танцы. Только остальные уже послушно садятся за стол. Самое сильное, ни с чем не сравнимое впечатление - Эчмиадзин. Кафедральный собор. Самый древний в мире. Место, где трудно не поверить в Бога. Сама обстановка, особая энергетика, звучание органной музыки и хора. Как если бы душа твоя устремляется вверх к куполу церкви.

МОРАЛЬНО НЕУСТОЙЧИВАЯ. После публикации в 1979 в „Circulation Research“ признание нашей работы выходит за рамки страны. Тогда я не подозревала, что этому способствовало и то, что отныне написанное мной на русском, сразу переводилось на английский с кратким изложением содержания. Не мной, не Смирновым и даже не в России. «Ваше КГБ хорошо работает», - пошутила я много лет спустя в Германии, когда получила в Университете Гамбурга список моих публикаций на 23-х (!) страницах, - «У меня никогда не было столько статей, да еще на английском! Тут сплошные повторения того, что написано на русском и с объяснениями».

Werner Förster, директор Института фармакологии и токсикологии Университета Мартина-Лютера (Halle, ГДР) был заинтересован в совместной работе по простагландинами. В 1981-м был составлен договор о сотрудничестве и определены сроки поездки. Я, по причине развода, невыездная. Вместо меня посылают тех, кто собирался в капиталистическую страну, но прежде должен был посетить соцстраны. Нормальная ситуация для того времени. Исходя из обстоятельств, я не мечтала о поездках за рубеж и странно было слышать от Игоря Наумова из моей группы, что его жена откладывает деньги, мечтая поехать в Париж. С таким же успехом можно было мечтать полететь на Луну. Впрочем, Förster проявил настойчивость. После очередного появления не того, кого они ждали, он лично встречается с Генеральным директором ВКНЦ. Чазов вызывает меня и звонит в Первый отдел: «Вам за что деньги платят?! Это ваши проблемы. Чтобы оформили Гелинг для поездки!» Так благодаря Евгению Ивановичу появилась для меня дыра в «железном занавесе», через которую я и в

Фото 20. Международный симпозиум по простагландинам в Halle, ГДР, 1984

дальнейшем попадала за пределы СССР.

Хотя я и была беспартийной, но прежде должна была объяснить на партсобрании причину развода, а в шапке своей биографии написать заглавными буквами: **МОРАЛЬНО НЕУСТОЙЧИВАЯ**. Жаль, копии не

осталось. Да и кто знал, что наша жизнь так изменится.

Успешно прошли выступления на международных симпозиумах и конгрессах (фото 20, 21). Только с конгрессом в Венгрии накладку вышла. Получила приглашение, но мне дали понять: «Денег нет, даже не мечтай». Имя приславшего приглашение было мне известно по статьям о простагландинах. Невежливо было бы не извиниться. Ответила, что приехать, к сожалению, не смогу, сложности с финансированием. Если бы я знала,

Фото 21. Российские участники IV Конгресса фармакологического сообщества Венгрии с международным участием, Будапешт, 1985

во что это выльется! Чазову, как Генеральному директору ВКНЦ, приходит письмо от организаторов, что они готовы оплатить мою поездку и пребывание на конгрессе. Чазов звонит Смирнову. Тот вызывает меня на ковер, считая интриганткой: «Вышла напрямую на Чазова? За моей спиной?» Но в Будапешт я попала (фото 21). Нас встретили с плакатом, из которого стало понятно, что я

оказалась в одной команде с известными корифеями, директорами институтов

Узелки моей памяти - ушки предсердий и остальное.

Как перейти от результатов, полученных на кроликах, к разработке теста для людей? Во время операций на сердце ушки предсердий из-за скопления в них тромбов часто вырезают и выбрасывают. Использовать их в качестве проб? На кроликах проверила, достаточно ли там простагландинов. Удивилась их очень высокой концентрации по сравнению с другими отделами сердца. Нашла только одну заметку о наличии в ушках предсердий неких чрезвычайно лабильных соединений с антитромботическим эффектом, но выделить их авторы не смогли.

А если это простагландины и их высокая концентрация играет защитную роль?

Договорилась в Бакулевском институте кардиохирургии получать образцы и пришла к Смирнову. Он повернулся к физиологу Розенштрауху: «Леня, что еще за ушки?».

В ответ: «Атавизм, как аппендикс.» Как результат, мне вынесен приговор: «Делай, что хочешь, но моего имени там не будет. Я не хочу, чтобы надо мной смеялись».

Единственное, что я могла еще предпринять, это написать в тезисах к очередному Конгрессу кардиологов о предполагаемой роли ушка предсердия в тромбообразовании и о возможной связи с синтезом там простагландинов. Проверить я не могла, только предположить. Но и здесь меня ждала неудача. Мне сообщили, что мои тезисы не прошли при оценке экспертной комиссии. Можно было бы поставить точку, но история оказалась с продолжением. Год спустя выступление Чазова в актовом зале ВКНЦ. Потрясая газетой, он вопрошает: «Чем занимается целый институт

Экспериментальной кардиологии? Здесь статья о японских ученых, открывших роль ушка левого предсердия в образовании тромбов!». Уже на следующий день Смирнов раздраженно бросает мне: «Снова ты Чазову что-то наплела!»

Жалуюсь Андрюшке Климбовскому, врачу из клинической кардиологии, который пришел со своими пробирками: «Меня обвиняют в мнимых прегрешениях. Я что-ли эту газету Чазову подсунула?» И тут я слышу от него, что вчера после выступления Чазова он возвращался в отделение вместе с Игорем Константиновичем Шхвацабая, директором Института клинической кардиологии. По дороге он рассказал ему, что Нина Гелинг год назад об этом говорила, а ее не услышали. Я еще больше удивляюсь: «Ты-то откуда знаешь? Ведь мои тезисы об этом не прошли.»

Оказалось, Андрей год назад был в группе, отвечавшей за перевод на английский. Увидев мою фамилию среди бумаг в мусорном ведре, достал этот лист, расправил, перевел на английский и отправил в папку для печати.

- «И ничего мне не сказал?! Выходит, опубликовано?!» Воистину, пути господни неисповедимы. Ну, а что там японцы открыли и о чем было написано в газете, я понятия не имею.

Когда умирал Генеральный секретарь ЦК КПСС К.У.Черненко, Чазов вызвал Некрасову и меня. Требовалось измерить в крови у Генсека новомодные простагландины. В помощь обещал мне любое количество научных сотрудников, финансирование и оборудование. Чазова понять можно. Ему просто необходимо было показать, что сделано все возможное на тот момент. Но откуда ему было знать, что невозможно было уложиться в указанные им сроки, к тому же без предварительного знакомства с методикой. Я отказалась: «Нереально по времени». Уже за дверью в ответ на дальнейшее давление пояснила Некрасовой, что не буду возражать против данных, полученных другими сотрудниками, но они будут не от меня.

Гадание? Разве может оно соответствовать моральному облику советского ученого? Вовлечена была не только я. Началось с того, что в руки мне попала картинка линий на руке. Посмотрела у себя. А как у других? Стала показывать, объясняя, что эти линии обозначают. Сама не верила, из любопытства, а началось необъяснимое. Если и были расхождения между трактовкой линий и реальным человеком, то, к моему удивлению, соглашались с тем, что было на руке, говорили, что они не такие, какими их видят окружающие. Из области психологии? На вечеринке, расслабившись, взглянула на руку Смирнова, но рассказала не все. Все-таки начальник. Что может подумать обо мне?! Со временем потеряла интерес, отмахиваясь от желающих узнать про себя, а после одного случая, как отрезало. За зарплатой для другой лаборатории приезжала женщина, имени не помню. На мне лежала ответственность выдавать эти деньги. В очередное ее появление она так настойчиво просила погадать, что я сдалась.

Впервые увидела тогда линию, символизирующую гениальность или шизофрению, которые зачастую и в жизни идут рука об руку. Гениальной она не казалась, а про другое значение я благоразумно промолчала. Через месяц она появилась снова и получила от меня деньги. После ее ухода коллеги стали интересоваться, кто это был, уверяя, что это неизвестная им женщина. В панике звоню. Узнаю, что месяц назад ее забрали на скорой с острым приступом шизофрении, что лечили гормонами и она очень изменилась. Урок для меня, что не стоит углубляться в то, что за пределами твоего понимания.

Еще никогда не видела я Смирнова в таком состоянии.

Казалось, он готов был взорваться: «Гулять вздумала? Не хочешь после защиты работать, так прямо и скажи!». В голове бешеный круговорот: «Что это означает? Кто и что мог наговорить ему, да так, чтобы он поверил?» В диком хаосе мыслей я вспоминаю два довольно странных события, которые постепенно складываются в пазл. Вчерашний, вызывающий недоумение, звонок Рамаза Курашвили, директора тбилисского Института кардиологии им. Цинамдзгвришвили о том, что он должен быть на совещании у Смирнова, но внезапно заболел и просит меня передать ему реактивы, оставленные в лаборатории. И не менее странное предложение от него год назад - предоставить мне после защиты лабораторию в Тбилиси с соответствующей оплатой, ему очень нужны такие специалисты по простагландинам. Я сложила это вместе. Похоже, Курашвили был в эти дни у Смирнова и пытался претворить свое предложение в жизнь. Можно представить ответную реакцию Смирнова, после которой никто бы не осмелился предстать перед ним уже на следующий день, да еще в присутствии остальных.

Объединение с группой Орехова.

Мне трудно отнести себя к какой-либо группе или лаборатории ИЭК. Я была сама по себе. Не по своей воле, не желая того. В Институте Кардиологии Мясникова я была, как и все, в лаборатории метаболизма миокарда. Сначала в группе Юры Селезнева, а потом Валерия Помойнецкого. Позже в ИЭК я формально числилась в лаборатории физиологии сосудов, в лаборатории физиологии миокарда, в лаборатории экспериментальных животных с биологической клиникой, в меж-институтской лаборатории экспериментальной фармакологии. Никому я реально не подчинялась. Я пыталась предлагать Смирнову кандидатуру на должность заведующего лабораторией по простагландинам, куда входила бы и я со своей группой. Он отказал: «Не уживешься ты ни с кем. Как кошка, которая гуляет сама по себе.» В результате, наравне с заведующими лабораторий, я просиживала у кабинета Смирнова, чтобы согласовать тематику работы, получить подпись под нужным документом или «выбить» необходимые приборы и реактивы. Смирнов, выйдя из кабинета и, видя меня,

добавлял: «И ты здесь? Ты мне скоро сниться будешь!» Не знаю, что думали при этом остальные, находящиеся там, но мне было не до шуток.

Пытаясь вспомнить, кто был у меня в группе, я насчитала семь человек:

Валентина Санфирова, от которой я переняла умение прилюдно смеяться над собой в любой, казалось бы, самой унижительной для тебя ситуации. Сергей Кудряшов, преданный, готовый защитить, до упора сидевший со мной в лаборатории при проведении экспериментов. Дима Беневоленский, высокообразованный с философским складом ума и аристократическими манерами, который ушел к Мите Левицкому, но продолжал приходить на чаепития. Айгуль Молдобаева. От нее самое яркое впечатление, ее забрал Сергей Данилов. У нее дома во Фрунзе я была поражена обилием книг, которые тогда невозможно было приобрести. Всю ночь не спала, перелистывая их. Удивительная скромность и трудолюбие, свойственное всей семье, хотя отец Айгуль был секретарем ЦК КП Киргизии. Игорь Наумов, спокойный и исполнительный, легко вошел в наш общий коллектив из двух групп – Олега Писаренко и моей. Еще двух я помню зрительно, но фамилии, увы, забыла. Получая собственную группу, я была антиподом руководителя. Не мое это предназначение. Много своих идей, добивалась необходимого, легко входила в контакт, но никогда не смогла бы требовать и держать дистанцию. Доходило до того, что, доехав на электричке до Москвы, звонила одному из своих сотрудников, уговаривая не опаздывать.

Однажды подходит Саша Орехов: «Разговаривал о тебе со Смирновым. Если не возражаешь, будет объединение наших групп. Сотрудники твоей группы, естественно, останутся при тебе, подчиняясь тебе и дальше. Мы же на равных позициях. Буду тебе помогать, обеспечивать, если понадобится, необходимым. Смирнов не против, но просит согласовать с тобой.» Я была согласна.

Человек предполагает, а судьба располагает или уход из ИЭК.

Я была уверена, что корнями приросла к ИЭК и Кардиоцентру в целом, не понимая, что застряла в ситуации, не позволяющей мне двигаться дальше. Именно Орехов стал той силой, которая способна была вырвать меня из привычного мира. За что я ему благодарна. Как он этого добился, не принципиально. Тем более, что одновременно произошло другое событие, не оставившее для меня выбора. Смирнов знал, что после переезда на Рублевку я буду тратить на дорогу больше двух часов в один конец.

Он обещал, что если я останусь в ИЭК, то он сделает все, чтобы я получила квартиру в Крылатском. Говорил, что осталось только добиться разрешения на проживание в однокомнатной квартире с ребенком другого пола. И тут мне передают, что вместо меня в списке на квартиры другая фамилия. Для меня это был конец.

Почва выбита из-под ног и не было никаких сил, что-либо выяснять. Смирнов в командировке. Да и не в его характере было, что-либо скрывать. Он мог быть резким,

мог накричать, но говорил открыто в лицо то, что думал.

Я написала заявление о своем уходе и собрала необходимые подписи.

Поскольку я была связана с разными лабораториями, то знали об этом многие.

Орехову никто не сообщил. Даже Володя Тертов из его группы, который был материально ответственным и от которого я получила подтверждение, что все на месте и в сохранности. Когда все было готово, я поставила Орехова в известность.

Реакция была взрывная: «Просто так не уйдешь! Нигде тебя не возьмут!» Он пожаловался, что я выношу ценное оборудование и реактивы. В канцелярии мне сказали, что получен приказ не выпускать меня из ИЭК. Никто меня не остановил.

«Занимательная психиатрия или страшилки на ночь».

Маркова, узнав, что я согласна работать у них, пошла к директору просить для меня ставку старшего научного. Позже я слышала про Смирнова, что, встретив в Министерстве здравоохранения директора ВНИИ общей и судебной психиатрии им. Сербского, он лестно отзывался обо мне. Впрочем, и я своего положительного мнения о Смирнове никогда не меняла.

А тем временем у меня продолжались проблемы со здоровьем, которые я принесла с собой из ИЭК. При проведении ЭЭГ с нагрузкой был отмечен очаг возбуждения в левовисочном отделе мозга. Врач судебной психиатрии настаивал на приеме психотропных препаратов, считая, что в противном случае где-то через 6 лет я получу полное разрушение структур головного мозга. При пробном приеме рекомендуемого препарата произошло резкое снижение концентрации и способности к логическому мышлению, что не совместимо с моей работой. Познакомилась со специальной литературой и поняла, что медицина убирает симптоматику, но не устраняет причину возникновения. Заинтересовала теория Ухтомского о создании новой доминанты взамен старой. Аналогичный очаг с другой стороны? Как пожар в прерии, который можно потушить идущим навстречу огнем. В моём случае это означало заняться творчеством, как противовесом научной работе. Так и поступила.

Театр пластического (выразительного) танца объявляет набор молодежи. Увидев меня, а мне было уже 38, взяли без экзаменов, считая, что не задержусь. Но у меня своя цель и я не только продолжала приходить каждый вечер, но при любой возможности выходила на сцену. Ослепляющий свет рампы. Спиной к спине с партнером. Стараясь войти в единое с ним эмоциональное пространство, начинаешь пластический танец рук, синхронно отражающих движения партнера. Голова свободна. Никакого напряжения и в дальнейшем исцеление. Много лет спустя на этом был основан принцип нашей арт-терапии «Вариабилы». Методика, работающая на подсознательном уровне с переключением в правополушарное (творческое) мышление.

Опыт работы в психиатрии – это захватывающие истории. Много, чего увидела и узнала. Среди прочего, стала свидетелем восстания пациентов, когда медсестер брали в заложники с заостренными вилками у горла. Забавно, что и на новой работе меня нашли немецкие коллеги, только теперь из Института психиатрии Университета в Ростове. Приехавший в ИЭК из ГДР Hans-Ulrich Block удивился, что меня там больше нет. Узнал, куда я пропала и даже навестил меня на новом месте. Представьте себе, иностранца пропустили в такую закрытую организацию! Из российской судебной психиатрии за границу тогда не ездили. С моим появлением, исследуя роль простагландинов при шизофрении, у них появился шанс попасть за кордон. На новом месте я встретила Ирину Шепелеву, которую знала по ИЭК (фото 26), а также Володю Ефименко, оформлявшего в Министерстве первую мою поездку в Германию. Они стали моими близкими друзьями. Я получила два патента на изобретение - метод диагностики разного течения шизофрении (прогрессирующего и малопродвинутого), а также способ определения активности простагландин-синтетазы в тромбоцитах. Был одобрен материал, представленный на защиту докторской диссертации, но колесо моей судьбы сделало очередной разворот.

Пересечение миров или как я попала в Германию.

Избит в Москве сын Дмитрий и последствия черепно-мозговой травмы. Начало перестройки. Повсюду хаос, нет необходимых лекарств, а прогнозы врачей для него самые плохие. Вспоминаю, как год назад профессор Jenssen из Университете в Ростове рассказывал мне историю фамилии Гелинг, ведущей свое происхождение от викингов. Приглашал тогда приехать на встречу международного сообщества Гелинг/Галинг и шутил при этом: «В латинской Америке живут богатые Гелинги. Может, тебе потребуется их помощь?». В отчаянии обращаюсь к нему: «Возможно, кто-то из Гелингов сможет оказать помощь моему сыну? Неважно, как далеко Дмитрий будет от меня, если я буду знать, что он жив.» Jenssen отвечает, что я должна приехать в Германию вместе с сыном, что есть идея.

Отправление поезда в день августовского путча в Москве. Никто не верит, что поезд отправится, что доберемся до конечной станции. В моем купе американский журналист. Закинув ноги на столик, берет у меня интервью. Но откуда мне знать, что произошло? Накануне допоздна на даче была, а на следующий день удивлялась: «Совсем что ли с ума сошли? Учения в центре Москвы? На улицах танки, через дорогу не перейти...»

А поезд уже до Варшавы добрался. На платформе толпа и все по-русски говорят. Поляки? Они же пару лет назад камни в окна поезда бросали. Интересуются, как нас выпустили. Оказалось, это русские, приехавшие к поезду с разных концов Польши. Не знают, возвращаться ли им в Россию.

В Берлине Jenssen бежит навстречу с охапкой цветов: «Нина, демократия победила!». Я разворачиваюсь и бегом к своему вагону, сказать проводникам, чтобы не боялись ехать обратно. Вечером к Jenssen приехал его близкий друг Эккахарт Бушон. Оказалось, что услышав о трагедии с моим сыном, он сразу решил взять его к себе и заботиться о нем. Не зная ни его, ни меня. А у самого тоже горе. Несколько лет назад его жене после очередного инсульта сделали черепно-мозговую операцию и она стала полным инвалидом, ничего не понимая и никого не воспринимая. Увидев меня, Эккахарт влюбился сразу и навсегда, но на меня он не произвел впечатления. Потом, общаясь с ним, удивилась, насколько схоже наше мировоззрение. Как две половинки единого целого. Но жить в Германии? И мысли такой не могло быть. В то время ни Эккахарт, ни Jenssen не знали, что по немецким законам невозможно усыновить или оставить у себя совершеннолетнего русского.

Я с сыном вернулась, а Эккахарт потерял покой. Писал мне письма, звонил ночью, так что держала телефон под подушкой. Говорил, что должен приехать, ему страшно за нас. Ситуация в Москве резко обострилась. Было безумием иностранцу появиться здесь, но он умудрился купить визу у какого-то немецкого спекулянта и в конце 1991-го

Фото 22. Эккахарт в Москве, декабрь 1991

прилетел в Москву (фото 22).

Когда я узнала, что вместо обещанного сыра у него с собой немецкие марки, то с трудом сдержала слезы. Сыра на них не купить. Не только сыра нет, магазины пустые.

С радостью Эккахарт сообщает, что привез мне приглашение от Университета в Гамбурге и оно уже отправлено факсом в Институт судебной психиатрии.

Пытаюсь объяснить, что визу не дадут. Должны быть пройдены этапы согласования с последующим утверждением в МИДе. Но остановить его невозможно. Решает идти напрямую в Министерство. Понятия не имею, как нас пропустили внутрь. Ходили от одного чиновника к другому. Эккахарт говорил на английском, я переводила. Все без исключения пытались помочь, а меня принимали за переводчицу. Визу получили. Случаются же на свете чудеса.

Звонит телефон. Ирина Студнева (фото 30), услышав, что я собираюсь в Германию, пытается образумить: «Тебе же не двадцать лет! Вспомни, сколько раз ты влюблялась и чем это заканчивалось! А теперь еще и чужая страна, другая культура.»

Только я в водовороте охвативших меня чувств и никакие разумные доводы уже не могут остановить.

Сын начал лечение у тибетского гомеопата. Решили, что это важнее для него и приедет позже. Никто тогда представить не мог, каким будет это «позже», в котором Эккахарт в 4 утра ехал в Ганновер к московскому поезду, чтобы через проводника передать Дмитрию посылку с едой, а потом обратно 200 км на работу в Гамбург.

"Дожитие" – запрограммированное старение.

В подсознании заложена программа: «родился - женился - детей вырастил - внуков нянчил - на пенсию вышел и... круг замкнулся, уже на свалке».

Фото 23. Все этапы проходили по второму кругу

У нас эта программа была прервана 9 ноября 1992 года с появлением на свет Григория (фото 23). Произошло это спустя 21 год после рождения моего первого сына Дмитрия. Мне было почти 43, а Эккахарту 56. С Григорием началось все с начала, все эти этапы проходили по второму кругу. После 50-ти наступил самый продуктивный период работы. Обрастаешь за это время близкими по духу друзьями-сподвижниками, а предыдущий опыт позволяет не расплыться в поисках правильного пути, да и мнения других не играют больше такой роли, как раньше. Конечно, повезло в том, что работа творческая. Никто не скажет, что пора на пенсию. Увидев мои работы, основатель Академии JAK моды и дизайна, Ingrid Albert-Kunz, поверить не могла, что у меня нет художественного образования. Отметила чувство цвета, которому нельзя научить и предложила бесплатное обучение в ее Академии, чтобы обрести уверенность в себе. Благодаря преподавателям по искусству я познакомилась с основами работы с красками, с созданием коллажей и рельефов (фото 24). В 1993, едва освоив технику работы с гуашью, я на одном дыхании написала серию картин. Обещала показать их преподавателю Академии, временно развесив дома. Пришедшие к нам гости неожиданно проявили к работам интерес. Все было раскуплено, а поскольку

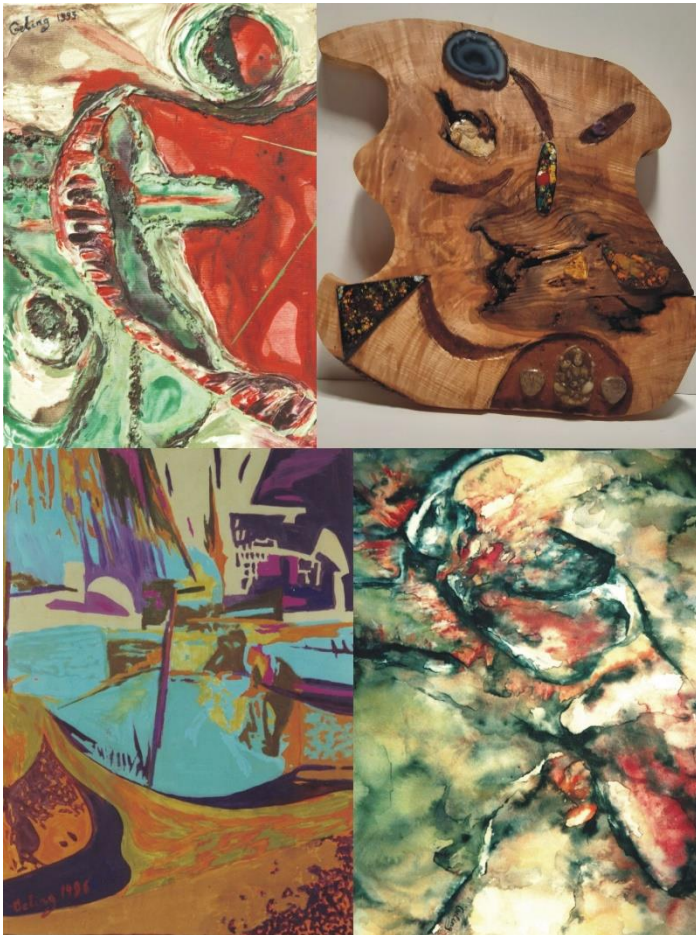

Фото 24. Наверху: акрил («Страх») и двухсторонний рельеф («Двуликий Янус»). .Внизу: гуашь («Чинквитерра») и акварель («Жук-носорог»)

Фото 25. «Безумие освобождения или распад Великой Российской Империи», акрил на полотне, 150x110, 1994

нашего дальнейшего успеха в России. Открытие этой выставки произошло в те ноябрьские дни, когда там был прооперирован Ельцин и все вокруг было перекрыто. На выставке были мои бывшие коллеги, но полной неожиданностью стало появление там руководителя Немецкого культурного Центра им. Гете Wilfried Eckstein. Увидев наши работы, он сказал, что им место в центре Москвы и, протянув телефон, добавил: «Позвоните, может, повезет.»

Те же слова прозвучали 23 года назад, когда, пытаюсь устроиться на работу в Институт

показывать было нечего, то я получила плохую оценку. Стремление к экспериментам продолжалось и за пределами ИЭК. В 1994 году – первая большая картина с собственной техникой поливания акрилом. Она у меня тоже не задержалась (фото 25). С искусством порой странно. Как память о доме, где мы жили, не хотела продавать акварель с цветами климатиса. Специально поставила экстремально высокую цену, но именно её купили. Была уверена, что это недоразумение. Новая работа с тем же мотивом и той же ценой, но происходит то же самое.

В третий раз аналогичную акварель приобрел Женя Буланов (фото 26) в 1996 году на открытии нашей выставки в Москве в Кардиоцентре. Именно тогда при поддержке и активном участии заведующей научной библиотеки ВКНЦ, Яны Вениаминовны Линды, а также ее заместителя Леночки Леоновой стала возможна демонстрация наших работ в выставочном зале этой библиотеки. Светлая им память! Благодаря им, привезенная нами в чемоданах, мини-выставка стала стартовой площадкой

Фото 26. Женя Буланов протягивает мне конверт с деньгами. За нами Людмила Воронова и Ирина Шепелева.

Кардиологии Мясникова, я получила домашний телефон Смирнова Владимира Николаевича. Как если бы произошло возвращение в исходную точку – институт Кардиологии. Только теперь продолжение движения с использованием предыдущего опыта и в другом, прямо противоположном правополушарном пространстве, не в науке, а в искусстве. Движение в будущее через возвращение в прошлое. Как и тогда в 1973-м, уже на следующий день состоялся разговор с Академиком Александром Бургановым, ознаменовавший начало нашего совместного с Эккахартом успешного продвижения. «Вариабельность – это новое направление в искусстве» прозвучало спустя год в Музее классического и современного искусства центра Бурганова и сразу было подхвачено средствами массовой информации. Заместитель директора по науке государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина, проф. Данилова И.

Фото 27. «Болтуны», 3-х метровые деревянные арт-объекты «Ландшафтного театра», 2010. Проект ЕС. Кенозерский национальный парк, Архангельская область

Е. напишет 17 апреля 1997 года: «Экспозиция "Между мечтой и явью" немецких художников Эккахарда Бушона и Нины Гелинг привлекает внимание и расширяет наше представление о художественной жизни современной Германии. Желаем успеха в вашей деятельности, которая несомненно помогает созданию общеевропейского культурного пространства".

Последовала официальная реакция и со стороны Германии, в том числе от Государственного советника Сенатской канцелярии Вольного и Ганзейского города Гамбурга Герта Бельмера и от руководителя отдела культуры посольства Германии в Москве Вольфганга Драутца.

Эккахарт буквально «заболел». Не потому, что нам сопутствовал успех, хотя и это немаловажно, а потому, что еще никогда и нигде не встречал он такого искреннего интереса к своим произведениям (фото 27).

Проекты, выставки, фестивали - жизнь несла, как в водовороте, не давая передышки. Пять укомплектованных передвижных выставок в России (фото 28), более тысячи

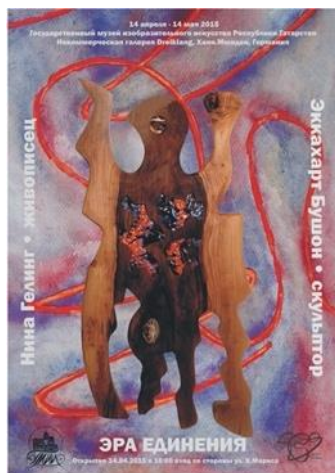

Фото 28. Афиши выставок в России. Наверху: «Эра единения» и «Terra incognita». Внизу: Чуждый ангел» и «Символы Универсума».

картин, деревянных рельефов и скульптур в центре Германии, Ханн. Мюндене и там же некоммерческая галерея «Dreiklang» по установлению через искусство связей между странами.

За 17 лет ее работы организовано 89 выставок и 90 концертов, проведено 14 мастер-классов, 36 арт-проектов и один международный фестиваль. Только из России, Украины, Англии, США, Литвы, Румынии были приглашены в Ханн.Мюнден 170 художников, музыкантов и участников проектов, среди которых хор из Калуги, фольклорная группа «Древа», актеры Театра музыкально-пластической драмы «Преображение», дети-сироты благотворительного фонда «Дети Марии», солистка Большого театра

Ирина Долженко. Талант – это вне границ, национальностей или вероисповедания. Он не принадлежит художнику. Это дар от Бога, а предназначение художника или музыканта быть посредником между зримым и божественным незримым.

Фото 29. Занятия с детьми из Донецка, потерявшими одного или двух родителей, 2019

И, конечно, наши „Вариабиле“. Наборы с абстрактными деревянными, графическими или живописными фрагментами (фото 29), которые созданы по принципу комплементарности и отмечены, как лучший игровой материал, получившие патенты, признание специалистов и научное подтверждение значительного улучшения способности к обучению у учащихся с расстройствами аутистического спектра.

Методология «Вариабиле» как никогда актуальна в нашем мире. Она устраняет страхи и активизируется творческий потенциал каждого из нас. Арт-

терапевтическую эффективность «Вариабилы» невозможно было бы осознать и обосновать без научной работы в ИЭК, без полученных там опыта и знаний, ставших основой объединения научной логики и творческого прорыва. Имея собственные цели, но обладая интуицией, катализатором этого процесса стал Владимир Николаевич Смирнов.

Контакты с ИЭК никогда не прерывались.

*Фото 30. В Доме русского зарубежья им. Солженицына”
Ирина Студнева, Олег Писаренко, Нина Гелинг.
Москва, 2008*

При любой возможности мы были в Кардиоцентре или встречались с бывшими коллегами. Ирина Студнева и Олег Писаренко регулярно посещали наши выставки и семинары (фото 30). Как-то, приехав в ИЭК, решила заглянуть к Смирнову. Услышав, что кто-то пришел, он открывает дверь: «Опять ты здесь?». Сразу ощущаю себя там, в своем прошлом.

Внутренний холодок под его взглядом:

«Владимир Николаевич, я хотела пригласить вас на выставку в Доме русского зарубежья...»

«Ты не снись мне, не могу я...».

Десять лет в моих снах не было ни Эккахарта, ни Гриши. Жила, как в сказке, но ночью снился Кардиоцентр. Получив приглашение на встречу в Америке без личного обращения, я не поняла от кого, решив, что спам.

А через месяц приходит отчет о встрече и фото на экране компьютера. Никого не узнаю, но ощущение дежавю. Чем больше всматриваюсь, тем больше необъяснимое беспокойство. Прошла по указанной ссылке. А там пишут мои друзья и коллеги по Кардиоцентру, как живется им в разных странах. В голове все перевернулось. Два дня ходила опухшая от слез. Потом снится, что я снова в Москве. Смирнов предлагает мне заняться научной работой. Тему я выбираю по желанию и буду обеспечена всем, что требуется. Посещение свободное и никому не подотчетно. Ходим с ним по Кардиоцентру. Он показывает помещения, договорился в бухгалтерии об оплате. Более, чем заманчиво. За плечами почти двадцать лет в науке, не представляла себя без нее. После мучительных размышлений, имея возможность получить абсолютно все, о чем и не мечтала, я вынуждена отказаться, осознав, что у меня другое предназначение, что теперь я связана с искусством.

Так во сне я приняла мою другую жизнь в Германии, и в душе поселилась гармония. Было еще одно искушение. В Германии нашло меня приглашение на симпозиум в

Монреале, причем с оплатой дороги. Я все же нашла в себе силы отказаться и не во сне, а в реальной жизни. Чуть позже я получила от устроителей книгу с публикациями, в которую была включена и моя работа, а также письмо от них с пожеланием увидеться на следующий год в Италии.

Эпилог (фото 31).

Один был моим Учителем, другой – Ангелом, спустившимся с небес.

Фото 31. «В едином энергетическом потоке», акрил на полотне, 2022

Владимир Николаевич Смирнов и Эккахарт Куртович Бушон.

Дети войны, наложившей отпечаток на их мировосприятие.

В одно время пришедшие на Землю и в одно время ее покинувшие.

Не знаю, каким был Володя Смирнов в детстве, Эккахарт Бушон был хулиганом, чью энергию преподаватель по искусству направил в нужное русло. Они жили в разных странах и прошли разный жизненный путь. Один посвятил себя служению науке, другой – искусству.

Оба одержимые в работе, но если один отдавал все силы своему детищу, Институту

экспериментальной кардиологии, то другой возглавлял Управление по охране окружающей среды, считая, что это его хобби, а основная его работа – это творчество. Никогда не отступавшие от выбранного пути, с фанатичной целеустремленностью создавая то, во что верили и ради чего жили.

Разные миры, так и не соприкоснувшиеся, но оставившие глубокий след не только в моей жизни, но и память о себе далеко за пределами своих стран.